
**О религии некрещеных черемисъ и вотяковъ
Вятской губернии.**

(Продолженіе). *)

2. *Тюня юмо*, богъ неба. *Кюдорче юмо*, богъ громовъ.
Воленче юмо, богъ молніи.

Тюня юмо, называемый иногда однимъ именемъ юмо, читится какъ высшій небесный богъ, старѣйшій въ сонмѣ боговъ. Это, по отзывамъ черемисъ, божество милостивое,

---

(*) См. № № 8 и 11 Вят. Епарх. Вѣдом. за 1868-й годъ.

но какъ свойства, такъ и дѣятельность его не описываются подробно. Нѣкоторыя понятія, заимствуемыя изъ христіанскаго ученія о свойствахъ Божіихъ, перенесены также на сіе мнимое божество. Тюня юмо—богъ воздуха и вѣтровъ; онъ править облаками, посылаетъ снѣгъ; въ прочихъ дѣйствіяхъ смѣшивается съ кюдорче-юмо, богомъ громовъ, который будто бы даетъ дождь благовременный. Такъ какъ земледѣліе у черемисъ возведено на степень религиозной обязанности, а съ другой стороны и чувство зависимости отъ божества, въ приобрѣтеніи пищи и довольства, весьма сильно и живо; то кюдорче-юмо, по мнѣнію черемисъ, посылающій плодотворный, тихій и теплый дождь на поля, есть божество особенно любимое и чтимое. Въ честь двухъ сихъ божествъ въ началѣ каждаго лѣта учреждаются особыя моленья съ жертвами и угощеніемъ; при чемъ черемисы закалываютъ многихъ животныхъ, и кожи заколотыхъ скотовъ вѣшаютъ на деревьяхъ. Къ симъ божествамъ имѣетъ отношеніе волгенче-юмо, богъ молніи; а у черемисъ иранскихъ, сверхъ того и *мардэжъ юмо*, богъ погоды и вѣтра, считался за особое божество. Какъ у древнихъ грековъ и римлянъ принадлежностью грозы, кромѣ грома и молніи, считалось еще *fulmen*, *керавносъ*, громовая стрѣла, такъ и у черемисъ. Разные народы различно описываютъ это *fulmen*: одни какъ самую острую и тонкую стрѣлу, другіе какъ клинообразный камень, молотокъ, топорикъ и т. д. У «небеснаго бога» черемисъ есть и молотъ и стрѣлы, но врагамъ его особенно страшны камни, когда онъ напрягаетъ поридный лукъ свой—радугу. Радуга это *юмонъ пюйге*, юмова дуга, лукъ; а громовая стрѣла—*юмонъ кю*, юмовъ камень. Лукъ—радуга тогда и является въ возду-

хѣ, когда юмо изъ лука камни кидаетъ въ бѣсовъ, силясь прогнать ихъ изъ воздушныхъ пространствъ.

Подобныя вѣрованія были у финновъ, кареловъ, эстовъ, лопарей, мордвы и другихъ племенъ.

Финны чтили высшаго бога небснаго (Калев. рун. 18 ст., 421, 423). Финны представляли небснаго бога господиномъ неба т. е. воздушнаго пространства; почему и называли его отцемъ и богомъ неба, въ высотѣ живущимъ богомъ, верхнимъ человѣкомъ, княземъ воздушнымъ и проч. О мѣстѣ пребыванія его говорили, что онъ живетъ на облакѣ, въ самой срединѣ неба. Иногда выходилъ онъ изъ своего жилища: его видали на краю облака, въ шубѣ. Радуга это лукъ, молнія мечъ его; у него былъ и молотъ, которымъ онъ постукивалъ-гремѣлъ. Карелы сему божеству придавали еще старуху, *акка*, которую считали богиней грома. Изъ короба этой старухи пчела носила медъ. Многія рѣки, озера и водонады финны и лопари называли ея именемъ.—Уприменіе облаками было главнымъ дѣломъ бога неба. Тепло и стужа, ясная погода и пасмурная, вѣтры, буря и антипы были въ его распоряженіи. Китайскія лѣтописи говорятъ объ одномъ народцѣ, котораго шаманы управляли облаками, и будто бы могли переставлять облака и достать изъ нихъ снѣгъ, росу, дождь и сильнѣйшій вихрь. Почти тоже скандинавскія саги говорятъ о шаманахъ финскихъ. Но послѣдніе это дѣлали, какъ думали финны, при помощи господствующаго на облакахъ бога воздушнаго. «Онъ слалъ дождь, и облака капали медъ, колосья поднимались и посѣвы живѣе шумѣли.» Тотъ же правитель облаковъ, въ вѣтрѣ говорящій, повелѣвалъ громами и молніями. Молнія являлась тогда, когда божество

михило своимъ мечемъ въ воздухѣ, или высѣгало огонь, когда въ жилищѣ его темнѣло. О молніи молили божество, чтобъ оно съ симъ мечемъ своимъ явилось на помощь людямъ, поразило вражьи силы, и уничтожило тлетворныхъ духовъ, которые мучать, терзаютъ людей и наводятъ язвы и морь; погубило бы чародѣевъ, которые на гибель людей ползкомъ ползутъ изъ земли и изъ воды; прогнало бы гадкія существа, которыя болѣзнь напускаютъ на людей. Уваженіе къ грому выражалось въ томъ, что, когда гремѣлъ громъ, боялись произнести что либо непристойное. Считалось грѣхомъ удалять грозу и громъ заклинаніями.

Такимъ образомъ у финновъ былъ одинъ богъ неба— онъ же и богъ грома, вмѣсто двухъ черемисскихъ отдѣльныхъ боговъ;—неба и грома (даже вмѣсто трехъ, когда черемисы и волгенче-юмо, бога молніи, считаютъ за отдѣльное божество). Тому же богу неба, который правилъ облаками, погодой и вѣтрами, слалъ дожди, градъ и снѣгъ, финны молились и какъ богу грома. Онъ же, какъ черемисскій кюдорче-юмо, почитался еще подателемъ плодородія землѣ и урожаяевъ. Нарочитыя молемя учреждали финны весною тотчасъ послѣ посѣвовъ: на высокія горы приносили разныя стряпанья и дары въ честь божества, и просили его дать посѣвамъ всходъ, послать погоду хорошую и дождь теплый и тихій. Это весною, а въ позднюю осень звѣроловы, охотники, всѣ ожидающіе зимней дороги обращались къ тому же божеству съ мольбой, чтобъ открыло оно окна небесныя и послало оттуда снѣгъ на землю и ледъ на воды.

Эсты о божествѣ своемъ, живущемъ въ небесныхъ пространствахъ, думали также, что во власти этого божества

громъ и молнія, облака и вѣтры, дожди, снѣгъ; сырая и ясная погода; думали, что оно же преслѣдуетъ злыхъ духовъ карателей, и своимъ мечемъ молніей, и своими стрѣлами изъ лука-радуги сокрушаетъ ихъ. Его считали эсты покровителемъ земледѣлія и также, какъ финны, праздновали въ честь его весну. Въ 1644 году Гудлафъ записалъ молитву, произнесенную эстами въ такой праздникъ. «Милостивый громъ (*вода пикеръ*), мы приносимъ тебѣ быка, два рога и четыре копыта и просимъ тебя о нашемъ паханьи и о нашемъ сѣяніи, просимъ, чтобъ солома у насъ была красная и рожь золотистая. Всѣ темныя, страшныя тучи толкни куда нибудь въ другое мѣсто, на высокіе лѣса, на широкіе пустыри. А нашимъ пахарямъ и сѣятелямъ дай ведро и тихій дождь. Храни наше поле, чтобъ родило оно добрую солому снизу, добрый колосъ сверху и доброе зерно внутри. (Grimm, Deutsche Mythol. Seite 160).—Эстонское божество тѣмъ только различается отъ финскаго, что эсты считали его же и творцемъ міра, чего у финновъ не замѣчается.

У лопарей богъ неба и грома назывался *айя*. И теперь у нихъ встрѣчается выраженіе *айя юца*, громъ ходитъ, *Jupiter tonat* (Lexicon Lapponicum, pag. 4), какъ и черемисы говорятъ о громѣ: *юмо кюдурта*, юмо гремитъ. Айя, по мнѣнію лопарей, повелѣвалъ вѣтрами, моремъ и водами, имѣя власть надъ громомъ, также счастьемъ и здоровьемъ, жизнью и смертью людей. Лопари прежде думали, что громъ (айя) есть живое существо, которое живетъ въ воздухѣ и слышитъ рѣчи людей. И въ какомъ бы мѣстѣ лопари ни вздумали порочить его рѣчами, они не остались бы не наказанными за такое преступленіе. Лопари самый

громъ считали за бога, который гонить чародѣевъ съ неба, и шумъ во время грозы—это шумъ стрѣлъ, которыя мечетъ богъ—громъ въ чародѣевъ и всякаго рода бѣсовъ (Lex. Larrop., p. 7). Стрѣлы летѣли изъ лука—радуги. И отъ имени божества неба и грома радуга у лопарей доселѣ зовется *айянь йокса*.

Представленія, какія имѣютъ о своемъ *тора* чуваша, а угорскіе остяки о *турмъ*,—приводятъ къ той же мысли, что богъ неба и богъ грома часто не различались; принимаемые за одно мнимое существо.

Мордва-эрзя, во времена языческаго, воздавали божескія почести грому и молніи. Чтобы обезпечить себѣ милость сихъ сколько грозныхъ, столько же, по мнѣнію язычниковъ, благодѣтельныхъ для земледѣльцевъ божествъ, мордва ежегодно въ началѣ лѣта справляла въ честь грома и молніи особый праздникъ, особый *молянъ*. Это былъ молянъ великій—какъ по многолюдству собраній, такъ и по множеству приношеній. И прочіе мордовскіе моляны сходствуютъ съ черемисскими; но молянъ, бывающій у мордвы въ началѣ лѣта, живо напоминаетъ собою праздникъ, какой въ то же время года торжествуютъ вотяки и черемисы. По принятіи мордвою христіанской вѣры праздникъ не оставленъ, и даже мало измѣненъ. Вотъ какъ описываютъ нынѣшній мордовскій молянъ, совершаемый въ началѣ лѣта:

«Приготовленіе къ молянѣ начинается за недѣлю. Приготовленія состоятъ изъ общественнаго сбора муки, крупы, коровьяго масла, яицъ, и проч. Изъ собранной муки къ назначенному дню варится отъ двухъ до четырехъ сотъ ведръ пива: и кромѣ того въ каждомъ домѣ готовится особое пиво. На поляну, около рѣки или родника, при-

возять огромный котель, въ которомъ варится мясо быка) нарочито приготовленнаго отъ сельскаго общества, или иногда овцы. Кожи заколотыхъ здѣсь животныхъ нѣкогда вѣшали на дубъ, предъ коимъ приносились жертвы языческимъ божествамъ; причемъ чтобы кожи не были похищены, на нихъ дѣлали нѣсколько скважинъ ножомъ, отъ чего они становились негодными ни для какого употребленія. Нынѣ вѣшаютъ на дубъ только маленькій берестовый кузовокъ съ кусочками, отдѣленными отъ всего, что приготовлялось для общественнаго моляна. Это дѣлается въ настоящее время очень тайно. Кромѣ котла, на мѣсто моляна привозятъ и приносятъ множество горшковъ съ кашей, масломъ и нѣсколько десятковъ ржаныхъ хлѣбовъ, разложенныхъ рядами на березовыхъ вѣтвяхъ, и наконецъ пиво и яйца.

«Тутъ мордва разбираются по-родно, т. е., члены одного рода становятся отдѣльно отъ другаго рода; и когда все разберутся, приступаютъ къ долежу кушанья. Предъ самымъ принятіемъ пищи, одинъ изъ старѣйшихъ по лѣтамъ въ селѣ, обратись лицомъ на востокъ и оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ, громко и внятно произноситъ на родномъ своемъ языкѣ слѣдующую молитву. «Ты Господи Богъ нашъ, Ты нашъ кормилецъ. Дай намъ, Господи, лѣто теплое; пошли дождя тихаго, уроди хлѣба—намъ съ дѣтками на пропитаніе,—скоту безмысленному на прокормленіе. Не губи, Господи Создатель нашъ, полей нашихъ градомъ и домовъ нашихъ громомъ и молніею». По окончаніи молитвы, все садятся на травѣ, кружками, и ѣдятъ.

За тѣмъ все спѣшатъ домой—отнести нѣкоторую часть жертвенной пищи тѣмъ, кои по обстоятельствамъ не могли

быть при общественномъ моленьи. Вскорѣ всѣ снова собираются въ одинъ домъ, куда свозится и все наваренное пиво. На обширномъ дворѣ, по отдѣленіямъ для мужчинъ и женщинъ, начинаются прошенія, поздравленія и благопожеланія, и все это сливается скоро въ одинъ общій гулъ. Гулянье послѣ того продолжается нѣсколько дней. Въ прежнее время было обыкновеніе во время питья мірскаго пива барабанить въ звонкія металлическія вещи, въ печные заслоны, мѣдныя тазы, и подъ звуки оныхъ брызгать вверху пивомъ, что въ понятіи мордвы означало дождь, громъ и молнію.

Племена, называющія сами себя *адеге* и извѣстныя русскимъ подъ именемъ черкесовъ, ежегодно въ продолженіе семи дней торжествовали празднество *шибле*, бога грома. Жители нѣсколькихъ деревень собирались вмѣстѣ и устраивали на возвышенномъ мѣстѣ родъ жертвенника, утвержденнаго на четырехъ столбахъ, врытыхъ въ землю и расположеннаго такъ, чтобы углы его обращены были къ северу, востоку, западу и югу. Вокругъ сего жертвенника закалала быковъ, козловъ, барановъ въ жертву богу *шибле* и головами ихъ, воткнутыми на колья, окружали жертвенникъ. Въ теченіе шести дней продолжалось пиршество, состоявшее въ ѣдѣ, питьѣ и скачкахъ; наконецъ, на седьмой день сжигали головы жертвъ и расходились. Празднество сіе повторялось, сверхъ того, каждый разъ, когда случится, что кого либо убьетъ громомъ. Смерть сія считалась за благоволеніе Божіе.

3. *Кече-юмо*, богъ солнца. *Тылызе-юмо*, богъ луны. *Шюдурь-юмо*, боги разныхъ звѣздъ, и проч.

Божества не очень важныя; впрочемъ независимыя, такъ

какъ солнце, луна и звѣзды, по мнѣнію черемисъ, независимы отъ «бога неба». Черемисы молятся имъ, какъ божествамъ кроткимъ и благодѣтельнымъ, которыя даютъ теплоту, согрѣваютъ и питаютъ землю и способствуютъ плодородію. Кромѣ того, все прекрасное и великолѣпное въ мѣрѣ—думаетъ черемисъ—есть также ихъ произведеніе. Но они же могутъ производить безведріе, засуху и жестокой холодъ.—Живутъ они въ палатахъ, среди дворовъ. Палаты тѣ золотыя и серебряныя, отличаются необыкновеннымъ убранствомъ.

Значеніе сихъ божествъ проясняется чрезъ сличеніе съ подобными божествами другихъ народовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе народы почитали за божество самое видимое, матеріальное солнце, луну и звѣзды; другіе, напротивъ, чтутъ божества, будто бы живущія на сихъ свѣтилахъ. Доселѣ нѣкоторыя монгольскія племена, какъ описывали ихъ еще въ средніе вѣка западные миссіонеры и русскія лѣтописи, оказываютъ особенное почтеніе солнцу. Шаманы ихъ, молись солнцу, плещутъ въ воздухъ молоко, принося такимъ образомъ жертву сему божеству. Тунгусы возносятъ молитвы солнцу, лунѣ и звѣздамъ, причемъ солнце смѣшиваютъ съ вышнимъ своимъ божествомъ *буга*; дѣлаютъ изображенія сихъ боговъ—солнца въ видѣ челоувѣческаго лица,—луны въ видѣ полукруга, и проч.—Многія татарскія племена, кочевники южной Сибири, чтутъ тѣ же божества, и изображаютъ солнце и луну на шаманскихъ барабанахъ; приносятъ солнцу голову медвѣдя или оленя. У татаръ—шаманистовъ не дозволяется работать по закатѣ солнца. Нѣкоторые выходятъ изъ своей палатки утромъ молиться солнцу и вечеромъ лунѣ. Самоѣды

чтутъ солнце. Вогулы, остяки и другіе ближайшіе къ нимъ народцы, сберегающіе обычаи своей старины, хранятъ великое уваженіе къ солнцу, мѣсяцу и звѣздамъ. Вогулы не различаютъ солнце отъ *турма*, представляя солнце жилищемъ сего божества..

Лопари встарь поклонялись солнцу и, подобно другимъ сроднымъ племенамъ, изображали его.—Финны и эсты почитали солнце, луну и прочія небесныя тѣла въ ихъ матеріальномъ видѣ. Оттого у нихъ божества солнца, луны и звѣздъ носили тѣ же названія, какія и матеріальныя солнце, луна и проч. О скрытыхъ и потаенныхъ вещахъ, о пропавшихъ людяхъ финны обращались съ распросомъ къ солнцу, мѣсяцу и звѣздамъ:—не видали ль они ихъ, не знаютъ ли мѣсто, гдѣ они. Чтобъ добыть кладъ или металлъ, отыскать пропавшее, богатые люди несли золотные поясы, синіе кафтаны и другіе наряды въ даръ солнцу, лунѣ и звѣздамъ. Монголы—большая часть которыхъ теперь буддисты—съ такими же распросами обращались къ солнцу и мѣсяцу. Язычники думали, что божества, правящія солнцемъ и звѣздами, живутъ въ великомъ свѣтѣ и лучше и больше видятъ, чѣмъ потемненное око человѣка. И другіе народы увѣрены были, что по звѣздамъ можно знать совершающееся вдали и будущее.—О затмѣніяхъ лунныхъ и солнечныхъ финны говорили, что это врагъ уводитъ свѣтила съ свода небснаго и прячетъ ихъ лукавый гдѣ нибудь въ горахъ или въ овицѣ какого либо бога.

Филимоновъ.

(Продолженіе будетъ).

**О религіи некрещенныхъ черемисъ и вотяковъ
Вятской губерніи.**

(Продолженіе). *)

Рядомъ съ почитаніемъ солнца у финскихъ племенъ стояло почитаніе *огня*. Финны представляли солнце какъ массу огня, огнище, обнесенное огородомъ, а земной огонь какъ эманацию солнца. Огонь — богъ считался сыномъ бога — солнца. И какъ у финновъ и эстовъ богъ огня и огонь мате-

(*) См. № № 8 и 11 Вят. Епарх. Вѣдом. за 1868-й годъ.

риальный означались однимъ и тѣмъ же словомъ *туль* (Калевал. руна 48, ст. 302) и *nanu*; такъ и у черемисъ одно же для того слово: *туль*. При началѣ каждаго жертвоприношенія, общественнаго и частнаго, въ лѣсу, въ полѣ, въ дому (чумѣ), когда разведенъ огонь, черемисъ бросаетъ часть отъ жертвенныхъ приношеній въ огонь, приговаривая: «огонь (туль), ты богъ рѣзвый, бойкій богъ. Поскорѣй обнеси нашу жертву по большимъ богамъ, которыхъ мы сейчасъ будемъ *чоклашить*—призывать по именамъ, раздѣльно». Потомъ, при большихъ жертвоприношеніяхъ, горящую головню носятъ кругъ жертвеннаго стола. Различныя существуютъ представленія объ огнѣ: то читается онъ какъ нисшее, подчиненное божество огня; то какъ духъ огня, летающій въ огнѣ; или, наконецъ, самый огонь матеріальный считается за живое существо.

Донинѣ тунгусы, частію монгольскія и тюркскія племена приносятъ жертвы огню; а нѣкоторыя поколѣнія даже не смѣютъ въ ротъ взять мяса, не бросивъ прежде куска въ печь. «огонь и теперь пользуется у монголовъ великимъ почетомъ; осенью въ честь его назначаются жертвы и праздники; и всякій монголь за большой грѣхъ считаетъ тушить огонь водою, плевать въ огонь и осквернять его какимъ бы ни было образомъ. (Schmidt. «Forschungen», Seite 147).

Тунгусы думаютъ, что жертва, принесенная огню, припсена все равно всѣмъ богамъ вмѣстѣ, и всѣ они примутъ ее. Монголы, какъ и тюркскія племена, посредствомъ огня производятъ очищенія. Еще Менандръ рассказываетъ *), что

(*) Путешествіе Зимарха и его спутниковъ—говоритъ Менандръ—было продолжительно. Какъ скоро они прибыли въ страну согдаитовъ, и сошли съ лошадей, то нѣкоторые турки, видно нарочито на то поставленные, предлагали Зимарху купить у нихъ желѣза. Нѣкоторые

Зимарха, Юстинианова посланника, турки водили через огонь, чтобъ очистить его. Монголы проводили посланниковъ среди двухъ огней. Они же очищали огнемъ всѣхъ родственниковъ и прислугу покойника, бывшую при смерти его въ одномъ съ нимъ шатрѣ. — Самоѣды клокомъ зажженной оленьей шерсти окуриваютъ осквернившійся предметъ. Основаніе сему въ томъ, что огонь чтутъ какъ что то будто бы святое; и во дни праздничные нарочито разводятъ большіе огни.

Къ божествамъ солнца, луны и звѣздъ у финновъ причислялись еще божество вѣтра, божества паровъ и тумановъ. Последнія съ неба, отъ своихъ жилищъ — думали финны — решетомъ сбьютъ на землю тончайшіе пары. То были писнія божества женскаго рода, изъ семи или со двора главныхъ боговъ, въ званіи работницъ. Одни изъ нихъ ткали и прядли. Черемисы не знаютъ такихъ божествъ; а божество вѣтра, мардэжъ юмо, признаваемое по мѣстамъ, — причитается къ тюня — юмо.

Примѣчаніе: Исчисленныя божества — неба, солнца, луны и проч., подобно черемисамъ, чтутъ и вотяги, и даютъ

люди изъ этого племени, о которыхъ увѣрили, будто они имѣли способность отгонять несчастія, пришедши къ Зимарху, взяли вещи, которые римляне несли съ собой, сложили ихъ вмѣстѣ, потомъ развели огонь сучьями дерева ливана, шептали на скинскомъ языкѣ какія-то парварскія слова и въ то же время знонили въ колоколь и ударили въ тимпанъ надъ поклажею. Они несли въ кругъ ливановую вѣтвь, которая трещала отъ огня; между тѣмъ, приходи въ изступленіе, и пронаоси угрозы, явилось, они нагоняли лукавыхъ духовъ. Отвративъ, какъ они полагали, всѣ несчастія, они провели самого Зимарха черезъ пламя, и зномя, явилось, они и самихъ себя очищали. По совершеніи сего обряда, Зимархъ шелъ вмѣстѣ съ приставленными къ нему турками къ горѣ, называемой Эктагъ, что значитъ золотая гора (Алай?), гдѣ находилась самъ хаганъ. — Corp. Scriptor. hist. Byzantine. Pars I. Memandi Fragm. 20.

имъ соотвѣтственныя вотякскія имена. Посему божество неба у нихъ называется *инмаръ*, и т. д.

Божества водныя.

Тэнисъ—юмо, богъ морей, у черемисъ. *Ву*—муртъ, водный человѣкъ, у вотяговъ.

Самую воду многія племена чтили какъ нѣчто живое и божественное. Другія же почитаютъ божество нѣкое, будто бы живущее въ водахъ. Ему приносятъ молитвы и жертвы.

Такъ, по свидѣтельству недавнихъ писателей, вотяки приносили водѣ козу и пѣтуха. Остяки и самоѣды чтутъ р. Обь, принося ей оленей.

Лопари и эсты чтили воду, почему и названы у нихъ нѣкоторыя озера и рѣчки святыми рѣчками, святыми озерами. Эсты особенно чтили ручей Вахханда близъ Оденпе, по соединеніи съ Меддою, впадающій въ Пейпусъ. Его очищали. Была буря, если что либо нечистое падало въ ручей. Такъ думали эсты. И еслибъ кто срубилъ дерево или отломилъ пруть съ дерева близъ этой рѣчки, въ тотъ же годъ онъ умеръ бы. Въ жертву этой рѣкѣ приносили не только животныхъ, а даже дѣтей. Жертву давали собственно чудовищу, которое жило въ рѣкѣ и по временамъ показывалось изъ воды. Это былъ мужикъ въ чулкахъ. Эсты чтили также озеро Эимъ.

Финны чтили и прямо воду и божество водъ. Оно жило въ водахъ, и надъ водами имѣло власть. Ему придавали человѣческій видъ, человѣческія чувства и страсти. Нѣсколько онъ подобенъ черемисскому богу морей. Старый, почтеннаго вида мужикъ съ травой-бородой, весь покрытъ пѣной. Сокровища и богатства его неисчислимы. Онъ на днѣ морскомъ, покрытомъ чернымъ иломъ, и не издержать ихъ, пока свѣтитъ

луна. Но онъ былъ жаденъ до чужаго добра и рѣдко возвращалъ то, что успѣвалъ захватить въ свои руки. Утопленники къ нему шли, и онъ хорошо принималъ и жаловалъ ихъ. Всякаго рода добромъ владѣлъ онъ, но главное его богатство въ рыбахъ: онъ владѣтель ста норъ или ямъ, гдѣ живетъ семга и окунь. Жилище ему назначали иногда въ островѣ, среди моря, покрытомъ туманомъ и чернымъ лѣсомъ. У него была старуха, очень важная, властная, впрочемъ ласковая. Къ нему же причислялся «водяной народъ»: дѣти и слуги его — водяныя силы. Эти подчиненныя божества жили не только въ морѣ, но и въ рѣкахъ, озерахъ, колодцахъ, ручьяхъ, какъ и у черемисъ: у нихъ въ каждомъ ручьѣ и рѣчкѣ живетъ особый *бодошъ*. Между подчиненными водными божествами у финновъ различались: 1) Маленькій мужичекъ въ шапкѣ, въ рукавицахъ и сапогахъ, съ топоромъ за поясомъ. Самъ съ персть, при выходѣ изъ воды онъ могъ принять колоссальныя размѣры. 2) Божество утокъ; оно водилось на берегахъ рѣкъ и озеръ, поросшихъ травой.

Бога морей просили о помощи въ морскихъ плаваніяхъ, чтобъ онъ сѣлъ на корму и самъ правилъ бы судномъ. Моллились рыбаки, чтобъ богъ водъ жердью своей перерылъ дно морское, и гналъ рыбъ изъ норъ и лощинъ и отъ глубины пучины морской въ сѣти рыболововъ. Тѣже божества поражали чародѣевъ и восстанавливали тишину на водахъ послѣ продолжительныхъ бурь.

Всѣ эти водныя существа были добрыя и къ людямъ милостивыя; но были въ водахъ другія очень сильныя, но злыя, вредныя существа. Одно у рыбаговъ прикормъ и рыбъ пожираетъ. Другое потопляетъ плавающихъ. Изъ во-

ды вылетали духи, на челоѣка болѣзнь напускающіе.

Таковъ былъ у финновъ «водяной», котораго могъ одолѣть орель. Ему соотвѣтствуетъ у остяковъ, зырянъ и пермяковъ, *ву муртъ* вотяковъ, чувашскій *іе*, черемисскій *ія* (іо), и проч. Всѣ эти существа суть вредныя. Это злые водяные духи. Замѣчаютъ, что вліяніе христіанства, знакомство съ русскими заставило считать эти существа злыми. Нѣкогда они признавались за добрыя.

Чуваши думаютъ, что *іе* выпускаетъ изъ воды простуды. Когда захвораетъ кто либо простудою, чуваша, чтобъ умиловить *іе*, бросаютъ въ воду наговоренныя яйца и деньги. Вотякъ, когда переѣзжаетъ черезъ воду, кидаетъ въ нее горсть травы и говоритъ: «не держи меня». У черемисъ, кромѣ тэнгезъ-юмо, бога морей, котораго при большихъ жертвоприношеніяхъ чогламашатъ наравнѣ съ высшими божествами, прочія водныя божества не пользуются особеннымъ вниманіемъ. *Бодошъ*, въ малыхъ рѣкахъ, незначительное существо: проказы его не опасны, вызываютъ улыбку на уста черемиса. Живущіе при большихъ рѣкахъ черемисы свидѣтельствуютъ, что когда подвергались они опасностямъ и несчастіямъ на водахъ, то тщетно призывали того, другаго, третьяго своего бога; когда же обращались съ молитвой къ заступнику русскихъ св. Николаю Чудотворцу, помощь была скорая. И когда православный идетъ въ церковь, некрещеный нерѣдко даетъ ему деньги и проситъ поставить свѣчу предъ образомъ св. Николая.

Божества земли.

Между ними болѣе важное есть *мландэ аба*, мать земли. Она будто бы даетъ плоды земные. Такъ черемисы плодотворную силу земли приписываютъ особому божеству, впро-

чемъ въ своихъ дѣйствіяхъ подчиненному высшимъ, болѣе могущественнымъ божествамъ. Вскорѣ послѣ праздника въ честь кюдорче юмо, черемисы приносятъ жертвы и мландэ ава. Ей приносятъ корову или овцу всегда черной шерсти и животное, при такой масти, непременно женскаго рода. Жертвы и угощенія въ честь мландэ ава устраиваютъ среди хлѣбнаго поля, на полянѣ не распаханной и не засѣянной, при двухъ, трехъ березахъ. Несъѣденные здѣсь остатки и кости отъ жертвъ зарываютъ въ землю и, чтобы собаки не отрыли принесенное землѣ, набрасываютъ тутъ дрова и бревна. Возвращаясь въ дома, каждая семья идетъ къ своей полосѣ засѣянной земли, и здѣсь подъ землю кладетъ яйцо и ложку каши, приговаривая: ѣшь, земля, и роди намъ жито.

Къ божеству мландэ ава черемисы ставятъ въ нѣкоторое отношеніе кюдорче юмо, бога грома. И имя кюдорче юмо чоклашатъ вмѣстѣ съ именемъ мландэ ава.

Въ праздники ага пайэра черемисы молятся еще *кава юмо*, принося этому божеству эгерчики (ярушнички), сыръ, пирожки изъ утиного мяса. Они думаютъ, что кана юмо бережетъ ниву, когда и кюдорче юмо и мландэ ава даютъ уже хлѣбъ. Потомъ каба юмо даетъ все богатство вообще.

Особыми богатствами считаются: *сэска юмо*, богъ плодовъ и цвѣтовъ; *киндэ юмо*, богъ хлѣба; *моиктэ юмо*, богъ шель; *волёкэ юмо*, богъ скота; *каикэ уса юмо*, богъ птицъ и звѣрей; *у юмо*, богъ новаго хлѣба, богъ новаго года для хлѣба (по окончаніи жатвы); *пайша юмо*, богъ, который помогаетъ работать; *агунэ кугуза*, дѣдушка, старичекъ, живетъ въ овинахъ. Это духъ. Ему приносятъ въ жертву часть пирога и каравай хлѣба.

Туда же относятся: *кугу мялядо юмо*, богъ земли; *мэръ юмо*, богъ вселенной; *кудо юмо*, богъ чума. Чумы (кудо, шалаша) двухъ родовъ. Во первыхъ, на каждомъ дворѣ, у каждаго домохозяина есть особый свой чумъ. Во вторыхъ для цѣлаго селенья, для всей деревни есть общій чумъ, *кудо*. Кудо устраивается для юмо, — на зиму. Зимой живетъ юмо въ кудо, лѣтомъ его здѣсь не бываетъ. Зимой ему и молятся въ кудо. На дворѣ кудо-юмо есть домашній покровитель. Къ нему обращаются всякій разъ, когда въ домѣ приключится болѣзнь, покража, пожаръ и т. п. другія несчастія и бѣды. Жертва ему прячется въ кудо въ такомъ мѣстѣ, которое знаетъ одинъ домохозяинъ, и котораго найти не умѣетъ посторонній. Даръ этотъ состоитъ въ старой серебряной монетѣ, наслѣдованной отъ предковъ, и въ другихъ драгоценностяхъ — въ вещахъ всегда старыхъ, которыя полагаются въ ящикахъ. Въ чумѣ хозяинъ живетъ только въ лѣтнюю пору; въ каждой избѣ съ принадлежащимъ къ ней строеніемъ — гдѣ люди живутъ и зимой — предполагается особый *суртъ юмо*, домовый богъ. Онъ охраняетъ домъ; въ честь и въ жертву ему бросаютъ въ огонь часть отъ стряпни, и отъ всякаго кушанья. Въ домѣ, кромѣ того, есть еще: *суртъ куза* (кугуза), домовый, добрый духъ; и *пертъ ія*, домовый бѣсъ. Онъ не очень золъ. Представляютъ его въ видѣ человѣка невидимаго. По ночамъ онъ пугаетъ дѣтей. Его можно слышать ночью, когда подъ пологомъ ходитъ онъ въ сапожкахъ и стучитъ.

Къ земнымъ божествамъ причисляются также:

— *Кюллю* (курлю) *юмо*. Это, говорятъ черемисы, сильный богъ, одинъ изъ первыхъ и главныхъ боговъ; онъ даетъ непрерывныя, неисощимыя богатства. Рѣкой текутъ благодѣянія отъ

него. Но юмлю юмо собственно есть эпитетъ, равно идущій ко многимъ личнымъ божествамъ. И эпитеты по временамъ черемисы чтутъ какъ отдѣльныя божества, и назначаютъ имъ особыя жертвы. Таковъ напр. *тунгуналтыма*, недавно дознанный ворожецами. Тунгуналтыма значитъ безначальный (юмо, т. е.).

Далѣе разныхъ названій божества, которыя женамъ даютъ чадородіе.—*Юмо эрге пюрюшъ* дѣтей даетъ. Черемисы иногда просятъ православнаго священника отслужить молебенъ сему божеству, когда не родятся дѣти. Черемисы говорятъ, что только русскіе, только христіане умѣютъ ему молиться, а черемисы пыгъ забыли благоугождать ему. *Ашъ юмо*, который бываетъ при рожденіи младенца. Замѣчаютъ, что божество это чувствуется особенно потому, что у черемисъ младенцы мрутъ въ великомъ числѣ.

—*Куария юмо*, богъ недѣли, т. е. пятницы. Три пятницы различаютъ и чтутъ черемисы. Первая пятница это—девятая по Пасхѣ. Вторая есть десятая пятница по Пасхѣ. Третья—все прочія въ году пятницы, взятыя вмѣстѣ. Въ эти дни не работаютъ, а блины пекутъ, стряпаютъ,—и, надѣвъ шапки, чоклашатъ боговъ предъ обѣдомъ; въ шапкахъ и обѣдаютъ.—*Рушъ ария юмо*, богъ русской недѣли (т. е. воскреснаго дня).—*Кучече* (кугу кече) юмо, богъ большаго дня, т. е. Пасхи. Единаго великаго дня богъ. Въ этотъ день некрещенные ничего не дѣлаютъ, лежатъ, ѣдятъ весьма мало и притомъ самой худой, самой скудной пищи.

Христіанскіе праздники—Петровъ день и Ильинъ день черемисы чтутъ тѣмъ, что ничего не дѣлаютъ въ тѣ дни. По мѣстамъ пьютъ пиво, вареное къ этимъ днямъ. Чтимъ Петра, говорятъ черемисы, потому что онъ первый сдѣлалъ

соху; чтимъ и Илію—онъ первый началъ сѣять и воздѣлывать хлѣбъ. Вотяки елабужскіе до Ильина дня не начинаютъ косить травъ.

Многіе народы считали землю за существо божественное и представляли ее какъ мать милостивую, которая даруетъ бытіе и питаніе людямъ и животнымъ. Какъ питательница, земля считалась божествомъ у тунгусовъ, монголовъ и тюркскихъ племенъ. Плано Карпини писалъ о монголахъ, что они «почитають солнце, свѣтила, огонь, воду, землю: поклоняются имъ и приносятъ въ жертву начатки пици и питья».—Финны почитали землю, называя ее *мать земля*, *terga mater*, но не во внѣшнемъ, матеріальномъ видѣ. Предъ сознание ихъ являлось личное божество, мать земля, хозяйка, старуха земли, подъ землей живущая. Ее считали супругою бога грома. Слабымъ нуждающимся въ чужой помощи она подавала и помощь и крѣпость. Но главное—у ней всегда просили плодородія землѣ: хозяйка внизу, она выгоняла злакъ, стебель изъ земли.—У лопарей маддеръ акка, старуха земли, почиталась подательницею плодородія землѣ и чадородія женамъ. У ней былъ мужъ, старикъ маддеръ атте.—У эстовъ маа эмма, мать земли; она-же жена бога грома, и вѣрная ему помощница во всѣхъ дѣлахъ. У эстовъ это божество давало плодородіе землѣ, чтобъ было чѣмъ питаться людямъ и животнымъ; подавая чадородіе женамъ, оно же заботилось какъ о рожденныхъ, такъ и о неродившихся еще дѣтяхъ. Сверхъ того, финны думали, что у каждаго поля есть свой хозяинъ, всадникъ вооруженный; живетъ онъ въ нѣдрахъ земли и также, какъ и эстонское маа эмма, кромѣ власти надъ полемъ, можетъ еще дать помощь въ болѣзняхъ и стѣсненныхъ обстоятельствахъ; на

пустыряхъ родить деревья и растенія. Дерево нужное для телѣги, сохи и проч. давали божества сего рода.—Финны также призывали и чтили апостола Петра, какъ и черемисы. При пивовареніи, произнося имя Петра, они пили молодое, не перебродившее пиво.

Карелы признавали—теперь забыли—еще низшее божество, подѣ покровительствомъ котораго находились горохъ, конопля, ленъ и все овсяное поле. Это божество считалось также злымъ, въ видѣ лукаваго худаго человѣка, и именемъ его назывался недоносокъ. (*Lexicon linguae finnicae*, р. 276). Оно же жило въ лѣсу, владѣло травами, корнями, деревьями, и крикомъ своимъ пугало проходящихъ.

Низшимъ сего рода божествамъ отдавали мало чести племена неприхотливыя въ житейскомъ быту. Большая часть исчисляемыхъ племенъ занимаются земледѣліемъ не съ давняго времени. Звѣроловство и рыболовство, потомъ скотоводство и пчеловодство давали имъ средства къ содержанію. Лѣсъ особенно былъ стихіею для многихъ.

Въ лѣснымъ божествамъ были весьма внимательны финны. Во главѣ такихъ божествъ стоялъ «лѣсной старикъ», сухощавый съ длинною шеей, въ шапкѣ изъ сосновыхъ иглъ, въ шубѣ изъ мху,—старикъ чуткій и внимательный, что необходимо для управленія такимъ множествомъ разнообразной въ лѣсу водящейся живности. «Старуха лѣса»—хозяйка, сна не знающая, всегда въ хлопотахъ, почтенная на видѣ. На рукахъ у ней золотыя запястья, на перстахъ золотыя кольца, на бровяхъ жемчуги, вся одежда золотая съ красной оторочкой. Хорошо была одѣта старуха, когда охотникъ шелъ изъ лѣсу съ добычей; напротивъ не было ничего гаже этой старухи въ лохмотьяхъ, ко да охота не-

удалась. — Такое двойное представлѣніе было и о жилищѣ стариковъ лѣсныхъ. То были цѣлые города съ каменными и деревянными домами. Удавалась охота — хорошо, старики были въ каменныхъ домахъ; въ противномъ случаѣ — въ деревянныхъ. Дома стояли на южной сторонѣ горы, въ защитѣ отъ холоднаго сѣвернаго вѣтра. Сокровища стариковъ хранились въ обширной кладовой, ключъ отъ которой всегда былъ у старухи. У ней особенно много было меду, этого «пива лѣснаго». Звѣри, ходящіе въ лѣсахъ и поляхъ, птицы лѣсныя это — скотъ и стада со двора бога лѣсовъ. Уходъ за ними былъ дѣломъ самихъ стариковъ. Стариковъ молили финны, во время охоты, чтобъ дѣлали тревогу и шумъ въ лѣсахъ и дубиной гнали бы дичь на встрѣчу охотнику. — Домашній скотъ былъ во власти лѣсныхъ боговъ. Они пلودили скотъ. Въ день христіанскаго праздника «Всѣмъ Святымъ», когда стада паслись уже въ лѣсахъ и лугахъ, и въ другой разъ осенью, когда молотили хлѣбъ и скотъ укрывался во дворахъ, финны приносили жертвы лѣснымъ богамъ. Боговъ молили, чтобъ дали они тучность скоту, прикрыли стада и хранили отъ звѣря, какъ хозяинъ бережетъ свой скотъ въ загородѣ.

Бъ лѣснымъ богамъ придуманы были дѣти, сыны и дочери, множество прислуги. «Старики» высылали ихъ на разныя работы по обширному лѣсному хозяйству. И одно изъ сихъ низшихъ божествъ ставило колышки въ лѣсу, на рубало знаки на деревьяхъ, чтобы не заблудились тѣ изъ финновъ, кои лѣсовали; а для скота, во время лѣтняго выгона, мостило переходы въ болотныхъ и тинистыхъ мѣстахъ. Другія по тропинкамъ скотъ водили, держали его на окраинахъ лѣса и по закатѣ солнечномъ пригоняли домой свѣ-

жимъ и здоровымъ, и проч. Они же доносили о нуждахъ людей высшимъ божествамъ лѣса; готовили траву въ кормъ для скота.—Были особые «приказчики», изъ которыхъ одни посылали финнамъ бѣлокъ (векшъ, *sciurus vulgaris*), другіе зайцевъ, третьи лисицъ.—Особые приказчики были для ели, черемухи, можжевельника, рябины.

По языческимъ понятіямъ, каждый предметъ въ природѣ имѣлъ свое божество (*genius*), которое считалось и творцомъ, производителемъ его, и принимало на себя попеченіе о немъ. Этотъ геній не былъ привязанъ къ одному конечному предмету своему, но представлялся какъ свободное, личное существо, которое двигалось и летало, имѣло форму и видъ, тѣло и душу. Онъ правилъ цѣлымъ родомъ ему подчиненныхъ предметовъ, и бытіе его не зависѣло отъ бытія извѣстнаго предмета. Эта рябина, этотъ камень имѣютъ своихъ духовъ, но тѣ же духи правятъ и другими рябинами и другими камнями. Сгніетъ рябина, для другихъ рябинъ еще живетъ тотъ же духъ.

Такого рода божества выслушивали просьбы людей у елей и у камней.

И злыхъ лѣсныхъ духовъ финны призывали, когда считалось нужнымъ отмстить врагамъ, ворамъ, злодѣямъ, сдѣлать ихъ глухими, слѣпыми, наказать дрожжаніемъ; иногда—чтобъ и отъ себя отвратить печали, скорбь и болѣзни.

Изъ всѣхъ племенъ одной системы только финны развили у себя ученіе о сильныхъ лѣсныхъ богахъ съ цѣлой толпой подчиненныхъ, низшихъ божествъ. Прочія племена, сохраняя уваженіе къ лѣсу, помѣщаютъ тамъ неважнаго «лѣснаго духа». И у финновъ почитаніе боговъ лѣса не есть древнее: нѣкогда они почитали прямо лѣсъ, рощу, ча-

щу, и молитвы приносили и «отвѣты» получали у елей и можжевелишниковъ.

Остяки, самоѣды, большая часть кочевниковъ Сибири не имѣютъ понятія о богѣ лѣсовъ, (который управлялъ бы лѣсомъ), но гдѣ, среди обширныхъ тундръ, они найдутъ небольшую листовничную или елевую рощу, рощамъ симъ и отдають божескую честь, и ставятъ тамъ свои кумиры. Это тѣ же лѣсныя мѣста молитвы, которыя у мордвы, чувашей и черемисъ называются керемать, у вотяковъ людъ. — Что слово керемать у тѣхъ же племень имѣеть и другія значенія, о томъ подробно сказано ниже.

У остяковъ—лѣсной духъ *мейкъ*. У тунгусовъ *мо* или *огонь монгоро*. У самоѣдовъ *парнэ*, злое, вредное существо, живетъ во глубинѣ лѣса. На рукахъ у него всего по три перста; острыми ногтями разрываетъ онъ человѣка, который попадаетъ въ его руки. У него нѣтъ ни шатра, ни даже одежды. Странствія свои совершаетъ пѣшкомъ; бѣгаетъ скоро. Жены у него нѣтъ. Есть только вѣрный *товарищъ*, который его всюду сопровождаетъ. — У вотяковъ лѣсный *паласъ муртъ* или *алида*. У него одна только нога, да и та наизворотъ, одинъ большой глазъ. Живетъ онъ въ лѣсу; иногда задушаетъ людей. — У черемисъ въ лѣсу бодошъ, стольже незначительный, какъ и водяной бодошъ (вадышъ). Онъ ходитъ по лѣсу; пугаетъ людей и имѣеть товарица—*тарвалтышъ*. Ему не молятся. Если бодошъ и приводитъ человѣка въ смущеніе, крадетъ у путника дорогу, то черемисы увѣрены, что стоитъ путнику перемѣнить ланги съ одной ноги на другую, и онъ выйдетъ на прямую дорогу.

Филимоновъ.

(Продолженіе будетъ).

ВЯТСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

№ 21.

1869 г.

Ноября 1-го.

ОТДѢЛЪ ДУХОВНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

О религіи некрещеныхъ черемисъ и вотяковъ
Вятской губерніи. *)

(Продолженіе).

Божества могильныя.

Сюда принадлежать, во первыхъ, всѣ покойники-родственники. Почтаніе покойниковъ открывается уже изъ тѣхъ обрядовъ, какіе наблюдаются при погребеніи мертвыхъ тѣлъ. А многочисленные поминки у черемисъ и вотяковъ суть не иное что, какъ праздники и жертвы въ честь покойниковъ.

Издавна наблюдался обычай заколоть пѣтуха въ домѣ тотчасъ послѣ того, какъ кто либо изъ членовъ семьи мужескаго пола растаялъ съ душою, и рѣзали курицу, когда умирала женщина. Похлебка, приготовленная изъ сказанной птицы, назначалась на угощеніе тѣхъ изъ постороннихъ лицъ, которыя послужили погребенію усопшаго.

*) См. № Епарх. Вѣдомостей 8-й.

Черемисы и вотяки думаютъ, что по ту сторону гроба, въ странѣ мертвыхъ, люди продолжаютъ вести такой же образъ жизни, какой вели на землѣ среди живыхъ; вслѣдствіе этого, говорятъ черемисы, въ гробъ вмѣстѣ съ тѣломъ покойника мы кладемъ многія вещи, необходимыя человѣку на томъ свѣтѣ, по крайней мѣрѣ на первое время. Въ противномъ случаѣ покойникъ будетъ приходиться за нужнымъ къ оставшимся въ живыхъ; въ гнѣвѣ разстроить хозяйство ихъ, увести съ собой на тотъ свѣтъ сыновей, внуговъ, племянниковъ и другихъ родственниковъ, которые нужны ему, какъ работники, при обзаведеніи новымъ хозяйствомъ въ странахъ преисподнихъ. — И такъ, чтобы умершій не имѣлъ ни въ чемъ нужды, кладутъ съ нимъ въ гробъ ножикъ, ложку, чашку, котелъ (небольшой), кремь, огниво, кочедыкъ, новые лапти, лыка и т. п., — табакерку, если покойный нюхалъ табакъ, и проч., — по мѣстамъ, пукъ розовыхъ лозъ, чтобы нечистый духъ не прикасался къ тѣлу мертваго, — палку. Собаки и на томъ свѣтѣ съ лаемъ кидаются на новаго, незнакомаго человѣка: палкой можно оборониться отъ собакъ. Въ поясъ умершему завертываютъ мѣдныя деньги. Въ гробъ дѣвицы кладутъ нитку съ иглой, въ гробъ ребенка — куриное яйцо, въ гробъ младенца — нитку, въ ростъ отца или матери, чтобы младенецъ росъ, и выросъ бы тамъ изъ него хорошій работникъ или работница. — Одни изъ черемисъ и вотяковъ говорятъ, что во-все не должно плакать надъ покойниками: тутъ всякая скорбь не умѣстна; у другихъ — женщинамъ не позволено провожать покойника до могилы и быть на кладбищѣ при погребеніи родственника.

Вѣруя въ загробную жизнь,—которую только по-своему представляют,—черемисы вѣрують и въ судъ и воздаяніе чловѣку, по смерти его. Каждый чловѣкъ по смерти является къ судіи преисподнему—*кіаматъ торя*. Кіаматъ торя разбираетъ дѣла умершихъ людей, и однихъ жалѣетъ, указываетъ имъ хорошее мѣсто, другихъ отсылаетъ къ наказанію,—въ «котель съ кипящею смолой» ввергаетъ тяжкихъ преступниковъ. Тяжкія преступленія суть: произведеніе вражды и ссоръ между людьми, чловѣкоубійство, блудъ, прелюбодѣйство, безбожіе, клятвопреступничество, кража, лжесвидѣтельство, колдовство, соединенное съ порчей чловѣка и отравой. Кіаматъ торя, судія преисподній, имѣетъ товарища—*чаусъ*. Нѣкоторыя селенья, или точнѣе роды черемисскіе имѣють своихъ кіаматъ торя, особыхъ: они тоже изъ черемисъ, хорошіе люди, только уже давно жили на землѣ *). Кіаматъ торя не имѣетъ имени юмо, по на поминкахъ наравнѣ съ покойниками онъ чествуется божескими почестями, наравнѣ съ покойниками ему приносятся жертвы и моленья.

Черемисъ думаетъ, что, по смерти, люди дѣлаются высшими существами и что, какъ боговъ надобно кормить, чтобъ они были милостивы къ черемисамъ, такъ и покойниковъ необходимо кормить, поить и всячески умилостивлять, чтобъ они не ходили къ живымъ, не дѣлали имъ бѣдъ. Такое именно значеніе имѣють—такъ называемые у черемисъ—поминки. Поминки двухъ родовъ: частные—въ честь одного, только-что умершаго родственника, и общіе—въ честь всѣхъ покойниковъ—родственниковъ. Пер-

---

*) Кіаматъ торя—тотъ, кто первымъ положенъ на новомъ кладбищѣ, «первый покойникъ».

вѣе правятъ въ третій, седьмой и сороковой день; общіе бывають въ великій четвертокъ на Страстной седмицѣ, въ Семивъ и во многіе другіе дни.

Къ этимъ днямъ готовятъ для умершихъ блины, пироги, сухаго судака, пиво, вино. Весь этотъ припасъ ставится на столъ; возлѣ него поставляются *пустая* чашка съ ложками и пустое ведро съ ковшомъ. Къ чашкѣ прилѣпляются восковыя свѣчи—первая кіамать торѣ, остальные роднымъ (умершимъ). Или: берутъ полѣно, кладутъ его на столѣ (или на лавкѣ) возлѣ чашки и на полѣнѣ прилѣпляютъ столько восковыхъ свѣчъ, сколько поминается умершихъ. Свѣчи зажигаютъ. Начинаютъ чоклашить, т. е. молиться—сперва кіамать торѣ, потомъ роднымъ. Кіамать торѣ молится, чтобъ онъ, принявъ жертву, далъ покойникамъ свѣтлое мѣсто, такое, откуда не было бы имъ нужды ходить за чѣмъ нибудь къ оставшимся въ живыхъ. Роднымъ молится, чтобы они, принявъ трапезу, не ходили къ живымъ, не мучили бы скота ихъ, не умаляли семьи. Родные, которыхъ теперь раздѣльно чоклашать, суть: отецъ—*ача*, дѣдъ—*куача*, прадѣдъ—*кугэзе*, мать—*ава*, бабка—*куава*, братья и сестры. Изъ участвующихъ въ поминовении каждый отламываетъ отъ блиновъ по кусочку и кладетъ въ пустую чашку, а пиво отливаютъ въ ведро, приговаривая: пусть дойдетъ до такого-то умершаго. Когда всѣхъ умершихъ перепомануть (перечоклашать), то жертвенныя части—куски блиновъ и отлитое пиво скидаютъ въ корыто *) и выбрасываютъ собакамъ. Остатки употребляютъ сами.

*) Корыто это, знакомое собакамъ, прежде чѣмъ чоклашить иногда вносятъ въ избу и ставятъ на полу. Усердный черемисинъ и на корыто ставитъ свѣчу.

Болѣ торжественныя поминки происходятъ такъ: наканунѣ челоуѣвъ пять, сынъ и сосѣди умершаго ѣдутъ на кладбище «звать покойника». На могилѣ ѣдятъ, пьютъ вино, часть вина лютъ въ край могилы. Приѣхавши домой съ кладбища, ходятъ въ баню, моются, надѣваютъ на себя чистое бѣлье, бѣлыя рубахи—точь въ точь какъ предъ праздникомъ, предъ молениемъ богамъ. На другой день, званые на поминки приходятъ: одинъ съ косушкою водки, другой съ пирогомъ. Ставятъ чашки и свѣчи. Кіамать торѣ бываетъ и особая чашка со свѣчей. Чоклашатъ, отыскиваютъ черемисича похожаго на покойника, одѣваютъ его во всю одежду, какая осталась въ домѣ умершаго, и одѣтаго такимъ образомъ, въ шапкѣ и рукавицахъ, сажаютъ на почетномъ мѣстѣ, подчуютъ его блянами, пивомъ, медомъ весьма усердно, какъ настоящаго покойника. Онъ, не забывая своего дѣла, какъ бы отъ лица умершаго благодаритъ ихъ, обѣщаетъ имъ всякое счастье и благополучіе. Когда же упьется виномъ, беретъ пузырь (кларнетъ вдѣланный въ воловій пузырь) и пляшетъ. А нютъ на поминкахъ чрезъ всю ночь. Утромъ, съ пузыремъ, на парѣ лошадей съ колоколами, въ кибиткѣ увезутъ сего изображителя на могилу того покойника, по которомъ правила поминки; тамъ посадятъ его, раздѣнутъ, все уберутъ—и возвратятся домой.—На поминкахъ, предъ тѣмъ какъ чоклашить, обходятъ кругомъ стряпню. При чемъ одинъ несетъ въ лѣвой рукѣ топоръ и въ обухъ топора ударяетъ ножикомъ, за нимъ, другой, идетъ съ дымящеюся головою.

Спрашиваютъ черемисъ: зачѣмъ вы жертвенное, посвященное судьбѣ-богу и вашимъ роднымъ, бросаете собакамъ? отчего сами не съѣдите?—Вкусу не бываетъ. Запахъ (вкусъ) выходитъ,—отвѣчаютъ они.

Дымъ долженъ отогнать отъ яствъ и питій нечистыхъ духовъ. Такъ дѣлается въ сороковой день.

Въ сороковой день умершимъ молятся съ такимъ умиленіемъ и смиреніемъ, съ какимъ молятся великимъ богамъ во дни бѣдствій. Величая покойныхъ похвалами, приличными божествамъ, жалобно взываютъ: «вотъ мы ничего не жалѣемъ, угощаемъ всѣмъ, чѣмъ можемъ; зовемъ васъ, тратимся. Не гнѣвайтесь же на насъ, не ходите къ намъ безвременно, и т. д.

Дни поминальные у черемисъ называются *сорта кече*, дни свѣчные, — дни, въ которые ставятся свѣчи. Поминки въ великій четвертокъ называются конъ кече, день щелока. Наканунѣ топятъ бани, дѣлаютъ щелокъ, и моются какъ живые черемисы, такъ будто бы и умершіе.

Утопленниковъ, самоубійць и проч. поминаютъ особо.

Нельзя обойти молчаніемъ того, что у черемисъ есть мнѣніе о переселеніи душъ (метемпсихоза, metempsychosis). Мнѣніе это выражается такъ: человекъ по смерти снова продолжаетъ жить точно такъ же, какъ живетъ и здѣсь, а нѣкоторые до седми разъ умираютъ, переходя изъ одного міра въ другой и, наконецъ, обращаются въ рыбу.

Тѣ же понятія объ умершихъ, тѣ же обряды при погребеніи, такіе же и въ тѣ же дни поминки и у вотяковъ, какъ у черемисъ. Въ старину у вотяковъ и такъ было: на третій день для умершихъ готовили блины (мылымъ); въ седьмой закалывали овцу, а въ сороковой рогатую скотину или лошадь.

Подобные обычаи и понятія встрѣчаются у многихъ народовъ.

Финны и другія, сродныя съ ними, племена въ могилы

и на могилы своихъ покойниковъ нѣкогда клали съѣстной припасъ, одежды, разныя хозяйственныя орудія, камень, огниво, котель, сани, вообще то, что покойнику и въ здѣшней жизни было нужно. У мертвыхъ, думали, тамъ тѣ же занятія и нужды, какія были здѣсь: надо на охоту ходить, рыбу ловить, и т. п.

Финны и лопари думали, что между тѣмъ, какъ здѣшнія тѣла истлѣваютъ въ могилахъ, мертвые облакаются на томъ свѣтѣ новымъ тѣлеснымъ покровомъ. Другіе, напротивъ, представляютъ умершихъ людей какъ духовъ, которые живутъ въ могилахъ или въ особомъ сборномъ мѣстѣ, блуждаютъ по землѣ и преимущественно во тмѣ ночной; въ буряхъ и вихряхъ приходятъ въ движеніе—качаются, висятъ и проч, подобны хлопьямъ снѣжнымъ, или полоскамъ огня, то темныя, то бѣлыя полоски. Они даютъ знать о себѣ въ завываніи вѣтра, въ шумѣ травъ, въ трескѣ пламени и во множествѣ другихъ явленій природы. Шаманы могутъ видѣть ихъ и знать ихъ мысли: для обыкновенныхъ людей они не видимы. Но они же мучатъ и беспокоятъ нечистую совѣсть людей, тревожатъ ихъ во время сна, напускаютъ болѣзни. Общее о духахъ умершихъ людей представленіе то, что они стараются всячески вредить живымъ людямъ. Поэтому особенно страшатся посѣщенія ихъ, и разнообразныя употребляютъ средства, чтобъ отвратить такія посѣщенія. Чуваша, при другихъ средствахъ къ тому, кладутъ поперекъ гроба еще два кола, чтобы покойникъ не поднялъ крышку гробовую. На похоронахъ и въ другіе праздники въ честь умершихъ готовится множество разнаго рода пици, чтобъ насытить покойниковъ, дабы они не имѣли повода гнѣваться на живыхъ. Гдѣ забываютъ

такимъ образомъ кормить мертвыхъ, тамъ много бѣдъ насылаютъ они. Нѣкоторые черемисы встарину кругомъ могилы вколачивали много кольевъ, чтобъ мертвый изъ могилы не могъ вылезать. У самоѣдовъ, остяговъ и другихъ полярныхъ племенъ обыкновенно шаманъ заклинаніями успокоиваетъ мертвецовъ въ могилахъ. Но и тамъ стараются умилостивить мертвецовъ главнымъ образомъ жертвами, которыя въ честь ихъ повторяются чрезъ длинный рядъ годовъ.⁵¹¹

Жертвы въ честь умершихъ, или въ честь духовъ ихъ, съ незапамятныхъ временъ приносились въ Азіи. Народецъ тогда долгое время, послѣ перекочевки изъ Сибири въ Среднюю Азію, чтилъ могилы своихъ предковъ и нарочитыхъ время отъ времени слалъ пословъ приносить имъ жертвы на могилахъ ихъ. Персы, до знакомства съ исламомъ, почитали умершихъ и отправляли праздники въ честь умершихъ^{*)}. Волынская лѣтопись указываетъ на обычаи моголовъ своего времени. «Обычаи ихъ—кланяться солнцу, лунѣ, землѣ, діаволу, отшедшимъ отцамъ, дѣдамъ и матерямъ.»

Въ Индіи извѣстны были жертвы мертвецамъ. Въ Китаѣ, въ простонародіи, и теперь поминки также всеобщы,

^{*)} «Іоаннъ—ѣдетъ отъ Юстина къ Хозрою для переговоровъ—Іоаннъ, отправившись изъ Византіи, продолжалъ поспѣшно свой путь: проѣздомъ черезъ города онъ заботился о предметахъ необходимо нужныхъ, сообразно съ даннымъ ему отъ царя предписаніемъ. По прибытіи въ Дары, онъ провелъ здѣсь десять дней, пока персы въ Нисивіи отправляли празднество. Въ это время они не принимали посольства. По окончаніи праздника называемаго Фурдигга, что значитъ: праздникъ усопшихъ, Іоаннъ былъ принятъ начальствовавшими въ Нисивіи персами и съ приличными почестями отправленъ отсюда въ столицу Персіи.» Срр. scriptor. hist. Byzant. Menandr. fragm. 15.

съ тѣми же обрядами и такъ же часто повторяются, какъ у шаманистовъ—татаръ, у вотяковъ, у черемисъ. Но въ Клятаѣ—не только жертвы, а и капища въ честь покойниковъ. Такимъ образомъ чтить умершихъ заставляетъ многихъ не одинъ страхъ посѣщенія ихъ, но отчасти мнѣнїе, что по смерти люди достигаютъ богоподобной природы. Нѣкоторою пышностію всегда окружались кладбища татарскихъ племенъ южной Сибири. У сѣверныхъ, финскихъ и самоѣдскихъ племенъ, находятся ясныя слѣды такого почитанія: извѣстно, что они не только жертвы и праздники и поминальные дни блюдутъ въ честь умершихъ, но и просятъ ихъ помощи и совѣта. Шаманы финновъ во время того безчувственного оцѣпенѣнїя, въ которое искусственнымъ образомъ они впадали, думали, что спускались подъ землю и тамъ въ могилахъ искали помощи и совѣта у мертвыхъ. Первый отвѣтъ оттуда—не обидѣть невинныхъ. Лопари вѣрили, что въ странѣ мертвыхъ люди продолжаютъ вести такой же образъ жизни, какой вели среди живыхъ на землѣ. Однакожь тамъ люди достигаютъ большаго совершенства, большей мудрости и силы; поэтому и просили у нихъ совѣта и помощи. Умершіе учили лопарей искусству чародѣянїя; помогали на охотѣ и въ рыбной ловлѣ, указывали, гдѣ найти потерянное и какъ возвратить украденное. Они же шамановъ переносили съ мѣста на мѣсто. И лопари приносили имъ жертвы и служили душой и тѣломъ. — *Тадепци*, злые духи, которые живутъ въ воздухѣ, въ водѣ, въ землѣ, повсюду, которые раздѣляются на бѣлыхъ, зеленыхъ и черныхъ и причиняютъ самоѣдамъ множество бѣдъ,—тадепци эти по мнѣнію нѣкоторыхъ самоѣдовъ суть именно тѣни умершихъ людей. Или оленей, или собакъ

приносить въ жертву тадепціямъ. Кромѣ того у самоѣдовъ дѣлаются идолы въ память прадѣдовъ и прабабокъ: идолы эти выставляются при рожденіи младенца. Тогда, предъ принятіемъ пищи, намазываютъ имъ губы кровью или жиромъ оленей.

У алтайскихъ племенъ въ почитаніи умершихъ важнѣйшій моментъ есть страхъ къ покойникамъ. Поминки и жертвы усопшему имѣютъ одну цѣль—утолить гнѣвъ его и избавиться возвращеній и посѣщеній его. Особенно страшны по смерти шаманы, которые и при жизни могли вредъ дѣлать, а по смерти они превращаются въ духовъ. Это у сѣверныхъ племенъ; а монголы прямо говорятъ, что умершій шаманъ превращается въ злаго духа и причиняетъ имъ всевозможный вредъ, съ тѣмъ, чтобы не забывали давать ему жертвы.

Мертвые тѣла обыкновенно хоронятся въ могилахъ: тамъ, думаютъ, живутъ и души мертвыхъ. Но если по какому либо случаю тѣла мертвыхъ остаются поверхъ земли, по землѣ блуждаютъ тогда и души ихъ: такого мнѣнія всѣ сѣверныя племена, кои тѣла умершихъ въ зимнюю пору хоронятъ въ ящикахъ наверху. А имѣющіе обычай тѣла умершихъ младенцевъ въ коробахъ вѣшать на вѣтки тѣнистыхъ деревъ говорятъ, что души дѣтей витаютъ между вѣтвями и съ радостію слушаютъ здѣсь чиликаніе птицъ и журчаніе вѣтра.—Рѣдко, и только величайшіе преступники не удостоиваются погребенія въ землѣ. И существуютъ два мнѣнія, по которымъ души покойниковъ или живутъ каждый въ своей могилѣ, или всѣ въ одномъ сборномъ мѣстѣ, похожемъ на римскій *orcus*. Первое мнѣніе болѣе распространенное; второе встрѣчается у финновъ, лопарей и немногихъ татарскихъ племенъ.

При послѣднемъ мнѣніи придуманы и божества преисподнія. У финновъ они смотрѣли за мертвыми, наблюдали, стерегли ихъ. Тамъ всюду бдительность и строгость. Всѣ эти боги мерзкіе, малы ростомъ, злы. Но были между ними и добрые (для людей), которые будто-бы могли *духовъ бо- лязни и скорби* спугнуть съ людей, загнать ихъ въ преисподнюю, запереть въ гору и въ котлѣ сварить.— Когда финны и лопари приносили жертвы умершимъ своимъ родственникамъ, проси ихъ не уводить за собою оставшихся въ живыхъ дѣтей и внуковъ, въ то же время обращались они съ мольбами къ божествамъ преисподнимъ. Чтобъ самимъ остаться въ живыхъ, божествамъ тѣмъ приносили кости, и думали, что кости эти они облекутъ въ тѣла и изъ нихъ образуютъ нужныхъ тамъ людей, пока взамѣнъ новыхъ покойниковъ. У финновъ насчитывалось нѣсколько божествъ преисподней. Черемисы, кромѣ кіамать торя, не знаютъ другихъ боговъ, владычествующихъ надъ мертвыми.

По представленію финновъ, преисподняя внизу, подъ нами. Черезъ девять съ половиной морей достигаютъ туда. Тамъ, какъ и на землѣ, есть солнце, луна, море, горы, рѣки и щуки, лѣсъ съ животными. Тамъ родится и хлѣбъ на поляхъ. Но все тамъ темное и мрачное.—«Темно тамъ—сказываютъ и черемисы. Для того-то и свѣчи ставятъ на могилахъ, какъ скоро зарюютъ мертваго въ землю, и всякой разъ, когда зовутъ покойниковъ на поминки».

Когда, при погребеніи, кладутъ деньги, хлѣбъ, яйца въ пазуху умершему, черемисы не забываютъ положить во гробъ подлѣ него—палочку, дабы умершій, проходя путемъ смерти, могъ защищаться отъ злыхъ и лютыхъ собакъ.—

Финскія племена увѣрены, что и у боговъ въ хромахъ есть собаки, и всегда—одного нрава и темперамента съ хозяевами.

Народы—замѣчаютъ археологи—весьма долго сохраняютъ свои старинные обычаи и особенно тѣ, которые основаны на понятіяхъ, имѣющихъ связь съ вѣрованіями.

Коренные жители Египта копты до сихъ поръ одѣваютъ своихъ покойниковъ въ самыя лучшія одежды и кладутъ въ ихъ могилы водку, деньги, табачную трубку и другія вещи. То же дѣлали встарину и нѣкоторые изъ православныхъ Египта. Но блаженной памяти патріархъ александрійскій Героеей, то увѣщаніями, то духовными преценіями, успѣлъ искоренить этотъ суевѣрный и убыточный обычай. (Пут. по Ег. въ 1850 году, А. Порфирія. Стр. 99.).

А. Филимоновъ.